

В моей голове нет ничего, кроме личной морали, и сотворить себе право на неё составляет смысл всех моих исторических вопросов о морали. Это ужасно трудно – сотворить себе такое [право].

Одиночество придаёт нам большую чёрствость по отношению к самим себе и большую ностальгию по людям: в обоих случаях оно улучшает характер.

Фридрих Ницше

1

Кажется, всё – бесконечная грядка закончилась. Я крикнул, распрямляя спину. «Что ж ты так кряхтишь-то, Виктор Андреевич! Точно старый сморчок, ёлки-палки!» Ну, естественно, садовод со стажем, как сказали бы многие, и тот скучный тип людей, для кого труды и заботы на собственном участке со временем становятся не просто удовольствием, но почти смыслом жизни. Большинство интересов при этом так или иначе связаны с хлопотами по хозяйству. И ничего больше не интересует. Ну, почти ничего, – разве ещё небольшой собственный магазинчик, маленький бизнес, позволяющий жить чуть вольготнее. Мне это видится вернейшим признаком рачительности, осёдлости и... одиночества в преждевременно наступающей старости. По крайней мере, в моём случае.

Одиночество!.. Почти непрерывное ощущение его, грузом своим отягощающее неотвратимый ход лет. Одиночество!..

Груз, за которым жизнь теряет свои краски, свою священную значимость! А ведь мне нет ещё и шестидесяти!..

Так-так, вода кончилась. Эх, с моим радикулитом только по воду и ходить – колодец-то не близ-

ко! «Да не беда!» – рассудил я, заталкивая сигареты в задний карман трико.

Дорога к общему колодцу лежит через центральную аллею – самую широкую, яркую и колоритную в нашем саду, особенно осенью. Путь не скор, но к середине его я забываю о своём злощастном радикулите. По правую руку уходят в небо огромные тополя, по левую – берёзы. Очень стройные. Даже чересчур. Каждое дерево знаю наизусть, и всё равно всякий сезон оно разное! Копашась на своём участке, я часто думаю о том, – времени у меня навалом, – что небесный творец – кто угодно: художник, философ, чудака, тратящий столько сил и находчивости на неповторимость своих творений, – кто угодно, только не лентяй! А какой невообразимый честолюбец и расточитель – тратить столько золота, чтобы на короткое время поразить наше воображение немыслимой роскошью. Потом, правда, у творца наступают временные трудности. Иначе как объяснить его переход с осеннего золота на зимнее серебро? Далее уже совсем как у людей: творец поправляет свои денежные дела за счёт колоссального летнего оборота зелени, и к осени у него снова есть внушительное состояние, которое он готов потратить на золото. И так из года в год!

Эх, чёртов радикулит! Может, всё-таки попробовать скважину на участке?..

Летом я почти никогда не ощущаю своих афганских ранений, кроме самого главного – моя жена меня не дождалась. Сказать, что я безнадежно одинок, было бы неправдой: есть друзья, сестра. Но может ли это заменить семью и детей, которых никогда не было?

Ну, вот и колодец. Летит пустое ведро, громыкает цепь, и через несколько мгновений я слышу громкий всплеск. Ведро заполняется, и я кручу рукоять, слыша, как время от времени падают через край излишки воды. Наконец, я достаю ведро и, оглянувшись, делаю несколько глотков – привычка

из детства, почти ритуал. Наверное, это не очень приятно, но отучить себя даже не пытался.

– Неужели вы не знаете, что пить холодную воду из колодца большими глотками нельзя? – неожиданно раздался детский голос.

Я дёрнулся так, что разлил почти полведра. Прямо на трико! Холоднющая вода, ужас!.. Передо мной стояла маленькая белокурая девочка лет шести-семи в белом платьице. Совершенно удивительные синие глаза её смотрели, пожалуй, с некоторым ехидством. Да и вообще весь её вид демонстрировал какую-то насмешливую снисходительность, но скорее забавную, нежели обидную. Меня поразило, что глаза эти отражали мысли, чувства, эмоции, свойственные кому угодно, но только не ребёнку таких лет.

Во мне шевельнулось невольное смущение и какое-то незнакомое, скребущее у подбородка ощущение волнения, не похожее, впрочем, настрах.

Девочка тем временем села на скамейку у колодца.

– А почему нельзя? – лукаво склонил голову.

– Потому что можно простудиться. Вы что, маленький, не понимаете? – поучительная нота прозвучала по-детски, но со взрослой иронией.

– Ах, вот в чём дело! Ну хорошо, больше не буду! – усмехнулся я. – Тебя как зовут?

– Кристина, – ответила девочка, вопросительно глядя в мою сторону.

Я уже тянул следующее ведро.

– Симпатичное имя! Ну, а меня – Виктор Андреевич! – ответил я, переливая воду из колодезного ведра в своё. – Будем знакомы!

Я подхватил ведро и побрёл к своему участку.

Теперь тополя-великаны были по левую руку, а берёзы – по правую. Гонимая ветром, шелестела опавающая листва, а солнце заставляло сладко жмуриться. Эх, бабье лето!

Весь день провозился на участке...

...На следующий день я вновь отправился за водой. Я наслаждался своей любимой аллеей; по сути, последние деньки – скоро дожди. Набрав воду, уже хотел по привычке отпить, как вспомнил о вчерашней девочке. Резко обернувшись, я увидел её, сидящую на скамеечке. Клянусь, секунду назад её не было!

– Здравствуйте, Виктор Андреевич!

Я ждал, что она сейчас скажет строгим детским голосом что-то типа «Я всё вижу!» Но ничего подобного не произошло. Я присел рядом и достал сигареты.

– Вы ещё и курите?.. – скинула брови девчушка.

«Ну, теперь всё в порядке!» – усмехнулся я, дождавшись ожидаемой нотки в её разговоре.

– Послушай, детка, – перебил я её, – я же взрослый, и мне кажется, что могу делать всё, что захочу.

Девочка пожалала плечами, но не обиделась.

– А я и не пытаюсь вас воспитывать: всё равно поздно, – она беспечно болтала ножками, словно наслаждаясь моим удивлённым смущением.

Я не выдержал её озорного взгляда и рассмеялся.

– Просто то, за что взрослые так ругают детей, сами всегда делают. И ещё сердятся, когда им об этом говорят.

Наверное, нашлось бы чем возразить на такое вполне справедливое замечание, но реплика эта, высказанная с потрясающе детской наивностью и простотой, на фоне вчерашней «недетской» иронии заставила сдержаться.

– Это чья же такая умная девочка? – выпустил я струйку дыма.

Девчушка не ответила и, чуть наклонив голову, сощурилась.

Я чувствовал необъяснимую симпатию к своей новой знакомой – чересчур скорую, как мне казалось. «И у меня могла быть такая дочка!»

– Просто я никогда тебя здесь не видел раньше.

– Я здесь в гостях, – ответила Кристина, – и очень издалека. Почему взрослые разговаривают со всеми детьми как с маленькими?

– А как же нужно?

– Не все дети одинаковы.

– Справедливое замечание... – задумчиво проворчал я, пуская дым. Докурив в полном молчании, затушил сигарету, мягко взъерошил очаровательную белокурую головку девочки и поднялся.

– Ну, пока, Кристина!

– До свидания!..

...Следующий день был ударным. До полудня я сделал почти всё, что планировал на сегодня по хозяйству, и поймал себя на том, что частенько вспоминаю о девочке с синими глазами и непроизвольно поглядываю на пустые ведра. Разве возможно так быстро привязаться к чужому ребёнку, пусть и прелестному? Наверное, если учесть моё многолетнее одиночество и тот факт, что у меня никогда не было детей.

Сестра и друзья всегда удивлялись тому, о чём я так горько сожалел, – как, по их мнению, можно переживать отсутствие семьи и детей, если таковых никогда не было? Ведь психологи считают, что не обременённые семьёй люди настолько привыкают к свободе, что одиночество для большинства из них скорее желанно, нежели тягостно. Думалось и о том, что у меня совершенно нет опыта общения с маленькими ребятами. Но с этой девчушкой так легко и просто. Вопрос? Одни вопросы!..

Приближаясь к колодцу, я искал глазами Кристину. Но её не было. Набрав воды, я уже склонился, чтобы отпить, как некое шестое чувство заставило обернуться. Клянусь, я почти ожидал её увидеть! Снова, беспечно болтая не достающими до земли ножками, девочка сидела на скамеечке и внимательно наблюдала за мной.

– Привет, Кристина! – кажется, я обрадовался, и она заметила это.

– Здравствуйте, Виктор Андреевич! Неужели вы так любите холодную колодезную воду, что не можете потерпеть до дома?

– Как тебе сказать? – я подмигнул. – Обожаю!

Девочка весело рассмеялась.

– А я думала, что только маленькие дети любят пить ледяную воду так, чтобы аж зубы заломило.

– А ты разве не любишь? – я присел рядом.

– Люблю иногда, – пожалала она плечами. – Я ведь тоже маленькая девочка. Просто там, где я живу, бывает очень холодно.

Я понимающе кивнул. Мы ещё посидели так, весело болтая о всяких пустяках, и я не сразу заметил, как светлое личико девочки заволокло грустью и как будто потемнело.

– Что-нибудь случилось, Кристина?

Она качнула головкой.

– Мне жаль Шарика.

– Какого? Нашего садового пса, что ли?

– Да, – девочка вздохнула. – С ним может случиться беда.

– Почему? – я был удивлён и немного расстроен такой внезапной сменой её настроения. – Дорогая, я видел его сегодня сутра – жив-здоров!

Я представил его поджарую фигуру и вечно улыбающуюся физиономию с высунутым языком. Шарик – темпераментный, озорной пёс местного производства – был абсолютным любимцем всех садоводов.

– Да он меня переживёт! – весело воскликнула я.

Но лицо Кристины ещё больше нахмурилось.

– А я говорю, что ему грозит беда! – лицо её вдруг перекосила капризная гримаска, и мне показалось, что она сейчас заплачет.

Не готовый к подобному повороту, я растерялся и уступил:

– Ну, слушай... как ему помочь?

– Ещё можно успеть. Вон за той аллеей! Можно успеть!

Я подавил скептическое выражение на своём лице, однако не торопился. Неожиданная же тревога её, кажется, достигла определённого предела, и девочка чуть ли не вскрикнула.

– Ну, что же вы медлите, Виктор Андреевич?!

Я вздрогнул. Резко поднялся, схватил ведро с водой и не попрощавшись зашагал к своему участку. Лишь скрывшись за поворотом, я сразу же сбавил шаг и попытался выкинуть из головы вздорное поведение моей новой знакомой. «Чёрт подери, ну, ещё расстройся из-за этой ерунды!» К концу тополино-берёзовой аллеи я уже почти успокоился, когда услышал тихий и жалобный собачий скулёрж. Замедлил шаг, чтобы услышать более ясно. Собачий стон повторился отчётливей. Прибавив шагу, я свернул с аллеи и остолбенел: всеобщий любимец Шарик лежал на земле, придавленный упавшим

деревом. Из пасти его шла кровь. Всё ещё отказываясь верить собственным глазам, я подбежал к раненому псу. Собака посмотрела на меня мучительно-беспомощными, плещущими болью глазами и издохла...

...Почему-то я знал, что снова её увижу. Конечно, я ждал упрёков, что не поверил, не послушал. Но ничего такого не случилось.

– Он был хорошим псом, – лишь произнесла она.

– Да, – механически согласился я, – добрым и ласковым.

Помолчали.

– Я его похоронил сейчас же. Но ты не переживай, – приободрил я. – Ему теперь очень хорошо! – не нашёл я сказать ничего более оригинального в таких случаях.

– Знаю, – грустно ответила Кристина, и я почему-то не удивился...

...На следующий день я управился с большинством дел и подловил себя, что мысленно уже «там». Меня почему-то не смущало то, что Кристина всегда появлялась внезапно, хотя и возникал вопрос: «Как ей удаётся подгадать время моего прихода?» Ответ нашёлся сам собой: во-первых, я всегда примерно в одно и то же время иду за водой, во-вторых, вероятно, участок её недалеко от колодца и девочка просто видит, как я подхожу к нему с возвышенности.

Сегодня она была повеселей.

– Ну, привет, Кристиночка! Как бодрость духа?

– Здоровско! – весело ответила она.

Я набрал воды и присел рядом.

– Давай поиграем в слова, – предложил я.

– А как?

– Очень просто. Я называю слово, а ты на последнюю букву называешь другое. Колодец, – начал я.

– Царство, – подхватила Кристина.

– Одиночество.

– Остров.

– Вода...

Мы виделись каждый день и во что-нибудь играли. Если не играли, то просто разговаривали о чём-нибудь, а я всё никак не мог привыкнуть к её смыслённости не по годам...

...Сегодня Кристина была не в духе. Её и без того пухлые губки надулись ещё больше.

Я набрал воды.

– Чего такая сердитая? Обидел кто? – спросил я.

– Да этот Жорка! Почему все мальчишки такие противные?

– Ну-ну.

– Я говорю ему: не лазь по деревьям – тебе нельзя, а он как назло: «Сегодня полезу на самую высокую берёзу!» – передразнила она.

– Жора – это мальчик со 150-го участка, что ли? – поинтересовался я.

– Наверное. Но ему никак нельзя этого делать!
– Но почти все мальчишки лазают по деревьям, – сказала.

– Я знаю, но ему нельзя!

По мере того как шло время, Кристина обнаруживала всё большее волнение, которое необъяснимо стало передаваться и мне.

– Почему он меня не послушал? – взволнованно проговорила она, а я вздрогнул. – Его необходимо спасти!

– Кого? – от растерянности глупо спросил я.

– Да Жорку же! Ну, что же вы ничего не делаете, Виктор Андреевич?

Я вспомнил случай с Шариком, и ситуация мне уже не казалась капризом маленького ребёнка.

– Где он? – быстро спросил я.

– Туда! – Кристина указала направление.

Даже не взяв ведро, я стремглав помчался в указанном направлении. Я уже не молод и, конечно, быстро выдохся. Добежал к указанному повороту, едва дыша, с рвущимся наружу сердцем. Свернув с аллеи, увидел, наконец, Жору. Он уже забрался довольно высоко и, похоже, не собирался останавливаться на достигнутом. Мальчик не видел и не слышал, как я вплотную подошёл к берёзе, когда неожиданно сук треснул под его ногой и, с хрустом ломая ветви, он полетел вниз, лишь с полпути запоздало закричав от ужаса. Он угодил аккурат на мои вытянутые руки так, что сам не пострадал нисколько – разве что царапин набрал, пока летел вниз. Зато я не удержал равновесия и преобильно шлёпнулся на спину, ободрав её. Досталось и моим рукам – отшиб.

– Фуф! – перевёл дух я. – Ну, почему не слушаешь добрых советов, а?! – нарочито сердито спросил я. – Или всё, что советуют девочки, изначально обречено на провал, только потому, что они девочки?

Всё ещё тяжело дыша, мальчик с глубочайшим и неподдельным изумлением уставился на меня.

– Откуда вы знаете?

– Что именно?

– Я никому не рассказывал про свой сон, даже маме! – тихонько произнёс мальчик.

– Постой, постой. Какой сон? – в свою очередь не понимая.

– Девчонка в белом платье сегодня мне приснилась и сказала, чтоб я не лазил по деревьям, а то расшибусь. Но я никому не рассказывал про сон! Честное слово! Я больше не буду! – невпопад добавил он.

Совершенно потрясённый, я смотрел, как Жора побрёл к своему участку...

...Я не задавал лишних вопросов, но то, что девочка обладает способностями какого-нибудь экстрасенса или там медиума, я не сомневался. Необъяснимым было и моё к ней стремление – тянуло словно магнитом. Привязалась ли она ко

мне? Наверное... Мы часто играли во что-нибудь – один раз даже в жмурки. Так беспечно хорошо мне, наверное, было только в детстве. Я уже и забыл, как это бывает...

...Нынче Кристина снова была не в духе. Я уже предположил, откуда ветер дует.

– Что на сегодня? – с нарочитой беспечностью спросил я. – Кого спасать на сей раз?

– Какой вы несерьёзный, Виктор Андреевич. На трёхсотом участке проводка не в порядке – ночью может случиться пожар, могут умереть люди.

Я не стал выяснять, откуда у маленькой девочки такие познания в области электрики...

– Петрович, салют! – поприветствовал я, подходя к трёхсотому участку. – Слушай, ты проводку давно проверял?

Немолодой морщинистый Петрович с вечной папиросой в черновато-жёлтых зубах тряхнул головой.

– Да некогда всё – работает и работает, – раздался бронхитный кашель.

– Надо бы проверить, Петрович.

– Да сегодня гостей полон двор – сын с женой и детишками приедут – повод есть вздрогнуть! – крикнул Петрович и крутанул седой ус.

При упоминании о детишках сердце моё ёкнуло.

– Слушай, давай проверим! – я был так напорист, что садовод сдался.

Мы открыли щиток, и глаза наши округлились.

– Ишь ты! Вот ведь лиха-то чуть не случилось! – взволнованно произнёс сосед упавшим голосом и вновь разразился кашлем. – Ну, Витюха, ты даёшь! Почитай второй раз родились! Слушай, ты часом не экстрасенс?

– Вроде того, – усмехнулся я.

– Заходи сегодня на огонёк – настаиваю!..

...Я собрал огромную грудку сухих листьев, и мы с Кристиной прыгали в них по очереди и с разбегу, хотя мне с моим артритом и афганскими ранениями это занятие быстро встало боком. Потом она сидела на скамеечке, как всегда, болтая ножками, ая курил.

– Всё-таки взрослые удивительные существа! – произнесла она. – Человек еле дышит, но курит! Это у вас такая игра?

Я улыбнулся, ещё раз подивившись такому нехарактерному для маленьких детишек ехидству...

...Сегодня Кристина вновь была сама не своя. Лицо её, всегда и без того очень бледное, было блее снега. Я уже знал, чем чреваты такие перепады настроения.

– Этой ночью к четыреста пятому участку придут трое! СТРАШНЫЕ ЛЮДИ! НОЖИ! Там сегодня будут и дети!

Нормальные маленькие ребята так не разговаривают. Это понимал даже я – никогда не имевший собственных детей. Но рассуждать было некогда...

...Я набрал телефонный номер.

– Старший оперуполномоченный Колесов, убийный отдел, – раздался знакомый надтреснутый басок в трубке.

– Никита, привет!

– А, Витюха, здорово!

– Как дела, дорогой?

– Порядок – твоими молитвами!

– Ну, и отлично. Слушай, друг! Помощь твоя нужна – выручай.

– Чем смогу. Слушаю тебя.

– Сегодня ночью готовится разбойное в моём саду. Засаду бы организовать...

На том конце повисла короткая пауза.

– Откуда данные?

– Не могу сообщить источник, Никитушка. Вот только наколка.

Снова пауза, затем решительное:

– Записываю...

...Мы подошли к четыреста пятому участку в сопровождении моего старинного друга – оперуполномоченного капитана Колесова, абсолютно лысого, новоседа небритого, и двух его подчинённых.

Сотрудники представились и сразу перешли к делу.

– Сегодня ночью на ваш участок, по агентурным данным, будет совершено разбойное нападение – предположительно трое наркоманов со стажем. Потому у вас будет организована засада, – затем Никита обратился уже ко мне. – Ну, всё, Витюха, не смею задерживать, – деликатно закончил моё участие в операции старший оперуполномоченный.

– Никита Сергеевич, только обязательно позвони! В любое время! – попросил я.

– Обижает, старик! – ответил капитан.

...В половине четвёртого утра раздался мобильный звонок. Звонил Колесов.

– Витюха, доброе утро. В общем, взяли мы твоих субчиков. Один из них – рецидивист в бегах, ориентировочка на него уже давно. Тебе спасибо огромное. Но я от тебя не отстану теперь, – опер засмеялся надтреснутым баском. – Колись, откуда данные!..

...Так я перестал замечать своё одиночество, ежедневно встречаясь с девочкой, которая – смешно сказать – подарила ощущение того, что у меня есть семья.

Время от времени при помощи необычайных способностей таинственной девочки я предотвращал различные беды и несчастья. А однажды пригласил Кристину к себе в гости. Неожиданно погрузнев, она отказалась, сославшись на строгих родителей.

– А ты с ними приходи, – настаивал я. – Познакомимся. Посидим.

– Всею своё время, – ни с того ни с сего сказала она, и я больше не настаивал...

...Не знаю почему, но мне показалось, что именно сегодня мне предстояло узнать некую тайну. С утра я мучился странными предчувствиями, но ничего определённого на ум не шло. Мы весело провели время с Кристиной, когда на обратном пути меня повстречал Петрович.

– Привет, Витя! – поприветствовал он, дымя своей вечной папиросой.

– Привет, дорогой!

– Слушай, поминки сегодня у Тимофея. Год, как дочь умерла. Придётся?

– А разве у Тимофея была дочь? Сколько помню, он всегда только с женой был.

– Да девочка у него от первого брака, понимаешь. Вторая жена была против того, чтобы Тимофей привозил сюда свою девчущку, вот ты её и не видел никогда. А как девочка умерла, так нынешнюю жену Тимофея словно подменили – стала такой заботливой и участливой, словно вину какую-то чувствует, – собеседник усмехнулся.

– Да она вроде неплохая баба, – возразил я.

– Да, неплохая, но не по-людски как-то вышло...

В общем, Тимофей просил передать – приходи...

...Я зашёл в дом. Мне предложили место. Было темновато, поэтому глаза не сразу привыкли. На первое был борщ. Налили водки. Напротив сидели Тимофей с женой и родственниками. Рядом со мной – Петрович и несколько садоводов. Глаза всё ещё привыкали, и я не сразу заметил на столе фотографию с чёрной лентой. Опустошив тарелку с борщом наполовину, я вторично глянул на фото... Кисть стала ватной. Ложка с борщом затряслась в моей руке, и суп расплескался на скатерть. Тело сначала стало деревянным, а затем я почувствовал совершенно отчётливый такой топот – именно топот – ледяных мурашек по спине. Сердце зашло и тяжело забухало, как сваебойный молот. На снимке была запечатлена Кристина! В том самом белом платице и с распущенными белокурыми волосами!

Я тихонько опустил ложку в тарелку и незаметно для окружающих пребольно ущипнул себя. Затем несколько раз моргнул, но наваждение не исчезло. Не веря своим глазам, я тихонько обратился к Петровичу:

– Как звали девочку?

– Кристина, – ответил он.

Едва владея собой, я продолжал вопросы придушенным голосом.

– Как она умерла?

– Несчастный случай, – ответил Петрович. – Утонула в колодце, который был на центральной аллее, знаешь?

– Но... – я судорожно глотнул, – ты же говорил, что она здесь никогда не была?

– Была один раз. У Тимофея произошёл серьёзный разговор с женой, после которого девочку привезли-таки сюда. В первый и последний раз. Ты об этом ничего не знаешь, потому что тебя как раз год назад здесь не было – ты в Турцию умотал, по-моему.

– Но почему колодец не срыли?! – продолжал я свой исступлённый допрос. – Или хотя бы не предупредили, чтоб водой никто не пользовался!

Петрович странно посмотрел на меня и ответил после паузы.

– Ты что, Витя?! Колодец срыли буквально следом. Там сейчас ничего нет! Ты нормально?!

Я открыл рот, чтобы возразить, но вовремя осёкся. Колодец тоже призрак! И вода! Как вам такое понравится?! И то удивительно, что никто из садоводов ни разу не поинтересовался, чего это я каждый день с пустыми ведрами туда-сюда рассекаю! Но водичка-то в ведрах, когда возвращаюсь на участок, есть! Сказать в этом случае: «чертовщина» – ничего не сказать!..

Я выпил водки, надеясь за пьянеть, но ничего не вышло. Посидев ещё немного, я отправился к себе и в тот же вечер напился до чертей!..

– Теперь ты всё знаешь, – грустно сказала Кристина. – Ты больше не придёшь?

– Вот же глупая! – я обнял девочку. – А сейчас я что же? Попрощаться пришёл? Я не верю в свидения! – нарочито весело сказала.

Кристина сразу повеселела.

– Ну, во что сегодня будем играть?..

...Я приехал к Олегу – моему другу, – и мы засиделись до поздней ночи. Худой рыжий бородач с прищуренными глазами был искренне рад встрече – не виделись лет пять. Именно ему я всё рассказал, не питая, впрочем, надежды, что поверит. Друг выслушал скептически, но до конца. В довершение рассказа я передал ему свои записки, которые вёл более или менее регулярно, впервые встретившись с девочкой, которой нет вот уже год.

– Что собираешься делать дальше? – спросил друг, набивая свою курительную трубку.

– Не знаю, – помолчав, ответила. – Но не брошу – точно.

Друг недоумённо посмотрел на меня.

– Ей очень одиноко, – был мой ответ на его немой вопрос. – Кроме того, должен же кто-то кого-нибудь спасать! – я иронически скривился.

Олег ничего не сказал и молча разлил очередные стопки.

– Если серьёзно, – продолжал я, – то разум мой страшится её – мёртвые есть мёртвые, нас научили с детства бояться всего потустороннего.

Мы выпили.

– Но кому доверять – разуму или душе? Понимаешь, она словно дарит мне новый

смысл жизни, каким бы каламбуром это ни звучало.

Я поиграл рюмкой.

– Но самое главное, вчера она сказала, что мне недолго осталось, и что ей очень грустно из-за этого.

До последнего момента молчавший Олег, наконец, заговорил.

– Ну, это уж слишком! – он снова разлил водку. – Твоё счастье, что давно тебя знаю, иначе уже набирал бы «03». Но твоё душевное состояние меня беспокоит, Витя. Пока у тебя окончательно крышу не сорвало – едешь в швейцарские Альпы, мой хороший знакомец устроит за полцены. И не вздумай отказаться – смертельно обижусь. А девочка твоя никуда не денется.

– Спасибо, дружище! Но ты всё-таки почитай мои писульки – ты же вроде писатель. Может, пристроишь где...

2

...Некогда было ещё полистать записки, но проводить друга Олег приехал. Он с неподдельным сочувствием поглядывал на Виктора: «До какого состояния ещё может довести одиночество? Но ничего – в горах отдохнёт от своих проблем. Такая красота ещё никого не оставляла равнодушным».

– Как долетишь – позвони, хорошо?

– Конечно, Олег, спасибо тебе!..

...День выдался хлопотным. За рутиной дневной карусели Олег едва не пропустил телефонный звонок. Звонил Виктор. Голос был бодрым, весёлым и на редкость жизнерадостным.

– Привет, Олег!

– Здорово! Ну, как добрался?

– Отлично! Великолепно устроился! Тут такая красота – ничего прекрасней не встречал!

– А то! – был самодовольный ответ.

– Слушай, Олег. Я в последний раз был у тебя в гостях и едва не расшибся в ванной – очень скользкий кафель. Позвони жене и накажи быть поосторожнее – как бы ноги не переломала!

Олег усмехнулся.

– Я серьёзно, старик! – на проводе повисла небольшая пауза. – И спасибо тебе огромное! – ни стого ни с сего произнёс Виктор.

– Ну, «спасибом», брат, не отделаешься – «поляна» и сауна с тебя, когда вернёшься! Ладно, друг, извини, дел просто по горло. Я вечером тебя наберу...

К вечеру Олег, наконец, управился со своими делами и набрал Виктора. Однако автомат уведомил о том, что абонент недоступен. Все последующие звонки также не угодили в цель. «Что ж, неудивительно, – рассудил Олег. – Попав в такую чудо-страну, обо всём можно забыть, в том

числе и о том, что телефоны имеют свойство “садиться” и их надо “заряжать”».

Вернувшись домой, Олег обнаружил жену в гипсе.

– Рая?! Что стряслось?!

– Да представляешь, поскользнулась в ванной. Хорошо, хоть головой не ударилась!

Часов в двенадцать ночи зазвонил телефон. Говорил заплаканный женский голос.

– Олег Георгиевич?

– Да, слушаю вас.

– Здравствуйте! Меня зовут Светлана. Я сестра Виктора, – воцарилась пауза, от которой Олег похолодел, а прерывистый женский голос продолжал. – Витюша сегодня утром погиб в авиакатастрофе.

– Как?... – чужим голосом пробормотал Олег. – Но я же... – он хотел сказать, что говорил с ним несколько часов назад, но вовремя осёкся.

Шокированный, Олег не сразу понял, что Витя не долетел до Швейцарии!

...После похорон Олег Георгиевич заехал к некоему Артуру Швадовскому. Его рекомендовали как опытного специалиста в области эзотерики и экстрасенсорной практики.

– Здравствуйте, Артур Дементьевич! Мы с вами созванивались...

– Да-да, конечно, проходите!

Они сидели в гостиной. Немолодой уже, совершенно седой экстрасенс почти не мигая смотрел на посетителя водянисто-бесцветными глазами, скрестив длинные узловатые пальцы. Олег поведал о недавних событиях, связанных со смертью друга, о таинственном посмертном звонке и травме жены. Экстрасенс немного помолчал, выжидая ещё подробностей, и, удостоверившись, что Олег закончил, заговорил:

– Ваш случай, Олег Георгиевич, неоднократно описан в соответствующей литературе. И в моей практике такое встречалось пару раз, – он откинулся на спинку кресла. – Видите ли, некоторые души после смерти одержимы мотивом закончить неоконченные дела своей предыдущей жизни – так, им кажется, они довершают незавершённое. Ограниченные в своих возможностях в нашем мире, они обращаются к посреднику, через которого реализуют свои планы. Но не всё так просто. Дело в том, что подобное вмешательство в предreshённый ход событий влечёт нарушение тонкого и хрупкого равновесия. В результате возникают некие равновесные силы, стремящиеся это утраченное равновесие восстановить, понимаете?

– Как в случае с Виктором?

– Совершенно верно. Эти силы не злые, не добрые. Они не имеют ни воли, ни разума. Их функция – равновесие. В конечном итоге

утраченный баланс восстанавливается со смертью посредника.

– А избежать смерти в таких случаях возможно? – поинтересовался Олег.

– Безусловно, – ответил собеседник. – Для этого достаточно не вмешиваться в предreshённый естественный ход событий. Вероятно, ваш друг не знал обо всём этом.

– Даже если бы и знал, всё равно поступил бы так, как поступил – таков уж он. Мы в Афганистане воевали вместе – о себе он всегда думал в последнюю очередь.

Олег замолчал.

– Ну, зато вы всё знаете, – прервал молчание Артур.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожённо спросил гость.

– Только то, что сказал.

Мужчины поднялись и пожали друг друга руки...

...С тех пор прошёл почти месяц. Мистические события за ежедневной рутинной дел успели изгладиться из памяти, когда снова на дисплее телефона высветилось имя Виктора, хотя Олег удалил его номер из мобильного! Сердце неприятно ёкнуло.

– Слушаю, – ответил он на вызов.

– Олег, здравствуй! Времени у меня очень мало, поэтому сразу к делу. Террористами заминирована 12-ая школа. Заряд должен сработать завтра утром. Но есть возможность предотвратить беду.

– Очень неоригинальная шутка! Что, скучаем?! – Олег не сомневался в том, кто звонит, и уж, конечно, узнал голос покойного. Но, боже, как хотелось, чтобы это была всего лишь дурная шутка!

– Олег! Вспомни случай с женой! Я не могу тебя заставить, тем более тебе всё известно! Но подумай о сотнях жизней не кого-нибудь, а детей! Только с тобой я могу поддержив...

Раздались гудки отбоя.

Олег сидел, словно статуя, чувствуя, как по спине бегут холодные струйки пота. «Почему я?!» Дрожащими руками он потёр виски. «У Витьки было преимущество – он не знал о последствиях!» Олег силился ещё как-нибудь оправдать своё малодушие – жить хотелось безумно. «Да какие к чертям оправдания, когда у меня есть семья!» – от подобного поворота, позволявшего многое извинить, он, однако, вместо того, чтобы успокоиться, пришёл в натуральное бешенство и принялся отмерять кухню нервными шагами.

Закутив, Олег будто немного успокоился. Казалось, с каждой стружкой дыма разум его унимался и обретал прежнее хладнокровие. Жена и сын, недавно закончивший институт, – образы двух самых родных и близких людей стояли перед

ним. Двух самых любимых людей, которые точно не оценят геройства, если о таком волей случая узнают. «И я ещё сомневаюсь – неужели вообще может быть иное решение?!»

После третьей сигареты Олег, кажется, совершенно успокоился. «Не всем быть героями, – рассуждал он. – Кроме того, никто из моих сослуживцев, включая покойного Витюху, не может обвинить меня в трусости ещё по Афганистану!»

Пачка сигарет закончилась. «Ну, ведь с самого начала знал, что не сможешь иначе!» – продолжался беспощадный диалог с самим собой. Олег коротко и громко хохотнул.

Дверь на кухню открылась, и появилась заспанная Рая, разбуженная столь странным весельем, да ещё в такое время.

– Ты чего не спишь? – сердито спросила она. – А накурил-то! Как вставать завтра будешь – тебе ж рано?

Олег улыбнулся и притянул любимую женщину к себе, вложив в свой порыв всё душевное

тепло. Удивлённая внезапной нежностью, Рая произнесла:

– Что стобой, родной? Всё в порядке? – в лёгком испуге её он почувствовал ответную нежность.

– Теперь абсолютно! – ответил он с беспечным видом. – Абсолютно в порядке!

Она погладила его рыжую шевелюру и коснулась её губами.

– Пойдём спать, дорогой, а то завтра будешь весь день варёный.

– Ещё немного посижу! – сказал Олег.

Супруга выпила стакан воды и ушла. Через некоторое время раздалось её равномерное сонное дыхание.

«Ну что ж, не всем суждено умирать красиво и героично!» – он решительно поднялся и стал одеваться. «Где там моя таксофонная карточка – тысячу лет не пользовался. Равновесные силы, говорите?! – Олег плюнул. – Да к шу-ту их!»...